Л. Н. Толстой.

ИВ80
Т671

I.

Николай Палкинъ.

II.

ДВѢ ВОЙНЫ.

№ 12.

Книгоиздательство «ОБНОВЛЕНІЕ».
1906.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ПВ80
Т671 Р

62 12740
31.

Николай Палкинъ.

(*Изъ записной книжки*).

Мы ночевали у 95-ти лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

— Что, дѣдушка, умереть хочешь?

— Умереть? Еще какъ хочу! Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привелъ бы Богъ. А то грѣховъ много.

— Какіе же грѣхи?

— Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ! Тогда развѣ такая служба была, какъ нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра засталъ. Того Александра хвалили солдаты, говорили,—милостивый былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Александра, когда изъ 100 человѣкъ 20 забивали на смерть. Хорошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Александръ назывался милостивымъ!

— А мнѣ довелось при Николаѣ служить,—сказалъ старикъ и тотчасъ же оживился и началъ разсказывать:

— Тогда что было? Тогда на 50 розогъ и портокъ не снимали, 150, 200, 300... на смерть запарывали!

Говорилъ онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ, и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

— А ужъ палками—недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче уже и не знаютъ, что такое палка, а тогда это словечко со рта не сходило. «Палки, палки»!

У насъ и солдаты Николая «Палкинымъ» прозвали. Николай Павловичъ—а они говорятъ Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище. Такъ вотъ какъ вспомнишь про то время,—продолжалъ старикъ, да вѣкъ-то отжилъ, помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станетъ.

Много грѣховъ на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпятъ 150 палокъ за солдата (старикъ былъ унтеръ-офицеромъ и фельдфебелемъ, а теперь кандидатомъ), а ты ему 200. У тебя не заживетъ отъ того, а ты его мучаешь—вотъ и грѣхъ.

Унтеръ-офицера до смерти убивали солдаты молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное,—въ грудь или въ голову,—онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: «властію Божіею помре».—И крышка! А тогда развѣ понималъ это? Только о себѣ думаешь. А теперь, вотъ, ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все думается, все представляется; хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіанскому, да простится тебѣ, а то ужасъ беретъ. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да что отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо: хуже ада всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку, и мнѣ вчужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливаніе, про убійство и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ распрашивать его про то. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разсказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами со шпицрутенскими палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: «бей больнѣй!»

— «Бей больнѣй!»—прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно, не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески начальническій тонъ.

Онъ разсказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ водятъ несчастнаго взадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровяные рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаетъ и брыжжетъ кровь, какъ летитъ клочьями окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричитъ несчастный, потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ, ощупываетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ: можно-ли еще бить человѣка, не убивъ до смерти, или надо подождать и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученіе снова и добить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что ему надо дать. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Какъ его, когда онъ не можетъ больше ходить, кладутъ на шинели ничкомъ и, съ кровяной подушкой во всю спину, несутъ въ госпиталь вылечивать, съ тѣмъ, чтобы когда онъ вылечится, додать ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не дополучилъ и не вынесъ сразу. Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти, и имъ не даютъ ее сразу, а вылечиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и мечется въ госпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти. И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ до смерти. И все это за то, что человѣкъ или бѣжитъ изъ полка, или имѣетъ мужество, смѣлость и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ и начальство крадетъ ихъ паекъ.

Онъ разсказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этихъ воспоминаніяхъ, онъ сначала удивился, а потомъ испугался.

— Нѣтъ,—говоритъ,—это что-жъ, это—по суду. Въ этомъ я развѣ причиненъ? Это по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ много видѣлъ и въ Турціи, и въ Польшѣ.

Онъ разсказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву. И когда я спросилъ его, не мучаетъ ли его совѣсть за эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это—на войнѣ, по закону, за царя и отечество. Это дѣла не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. Мучаютъ его только личныя дѣла, когда онъ, будучи начальникомъ, билъ и наказывалъ людей. Эти дѣла мучаютъ его совѣсть; но для очищенія себя отъ нихъ у него есть спасеніе, это—причастіе, которое онъ надѣется, что успѣетъ принять передъ смертью и о чемъ онъ просилъ племянницу. Племянница обѣщаетъ, понимая важность этого, и онъ спокоенъ.

То, что онъ разорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ и убивалъ людей пулею и штыкомъ, то, что самъ засѣкалъ, стоя въ строю, на смерть людей и таскалъ ихъ въ госпиталь и опять назадъ на мученіе,—это все не мучаетъ его: это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Что было бы съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ ясно должно было бы быть ему, стоящему на порогѣ смерти,—что между нимъ, его совѣстью и Богомъ, какъ теперь, наканунѣ смерти,—нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучить и убивать его людей? Что бы съ нимъ было, если бы онъ теперь понялъ, что нѣтъ ничего, искупляющаго то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ, когда онъ могъ не дѣлать его? Если бы онъ понялъ, что есть одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать, законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ, былъ мерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ бы поддаваться? Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ безсонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаяніе, если

бы онъ понялъ то, что, когда онъ имѣлъ силу дѣлать добро и зло людямъ, онъ дѣлалъ одно зло; что, когда онъ понялъ, въ чемъ зло и въ чемъ добро, онъ уже ничего не можетъ дѣлать, какъ только безполезно мучиться и каяться? Мученія его были бы ужасны!

— Такъ зачѣмъ же и желать мучить его? Зачѣмъ мучить совѣсть умирающаго старика? Лучше успокоить ее! Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло!

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что мы боимся назвать по имени? Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только оттого, что мы говоримъ, что она прошла? Она не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излечить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ея.

А болѣзнь не проходитъ, а только видоизмѣняется, въѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости. Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, освѣщенные христіанской истиной, люди, со вложенными въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ—люди надъ людьми—ужасающія жестокости, сами не зная, зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди, кроткіе, добрые, проникнутые духомъ ученія Христа, люди, кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ,—эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій, и не только не каятся въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью, или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такою же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности каждаго дѣлать все, что онъ можетъ, для исцѣленія ея, и первое,—главное—указать на нее, признать, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провелъ всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виновнымъ и тѣ страшныя дѣла—палка, сквозь строй и другія—прошли уже; зачѣмъ поминать старое: теперь уже этого нѣтъ больше.

Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ помянулъ передъ смертью. Зачѣмъ раздражать народъ?

Такъ же говорили при Николаѣ про Александра. То же говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину и всѣ ужасы ея распутства и самодурства ея любовниковъ. Такъ же при Екатеринѣ говорили про Петра и т. д. и т. д. Зачѣмъ про это вспоминать?

Какъ зачѣмъ вспоминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная, трудно излечимая, и я избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все тяжело болѣю, и еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. Только тогда я не буду поминать. И мы не поминаемъ только оттого, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй—все это давно уже прошло.—Прошло? Измѣнило форму, но не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что мы вспоминаемъ не только съ ужасомъ, но съ негодованіемъ. Мы читаемъ описанія правежей, сжиганій за ереси, пытокъ, военныхъ поселеній, палокъ и гоняній сквозь строй, и не только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить даже душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шелъ въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ, и проводилъ за этимъ занятіемъ свои обычные пять часовъ, какъ теперешній чиновникъ въ сенатѣ; ворочался въ семью и спокойно садился за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ... я зналъ одного такого, который наканунѣ съ красавицей танцовалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата-татарина, засѣкалъ этого человѣка и возвращался обѣдать въ семью? Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатеринѣ, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое не было бы тѣхъ страшныхъ дѣлъ, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять

того, какъ могли люди не видѣть тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видѣть, если ужъ не звѣрской безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то безсмысленности ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенно счастливое, что у насъ нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ?— Такія же дѣла, такіе же ужасы есть, мы только не видимъ ихъ, какъ не видѣли ужаса своихъ ужасовъ наши предки. Намъ ясны теперь не только жестокость, но и безсмысленность сжиганія еретиковъ и пытокъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ безсмысленность этого. Но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки— необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. То же съ палками, съ рабствомъ. И прошло время, и намъ трудно представить себѣ то состояніе людей, прикоторомъ возможно было такое грубое заблужденіе. Но это было во всѣ времена, поэтому должно быть и въ наше время, и мы должны быть также ослѣплены на счетъ нашихъ ужасовъ.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это оттого, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Но если мы вглядимся въ прошедшее, намъ откроется и наше настоящее положеніе, и причины его. Если мы только назовемъ настоящимъ именемъ костры, клейма, пытки, плахи, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общею воинскою повинностью, прокуроровъ и жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? А посмотримъ внимательно на то, что дѣлалось прежде, то мы поймемъ и увидимъ то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачиванія ихъ костей, то такъ же ясно станетъ и то, что такъ-же, если еще не болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать ихъ въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти, и узнавать правду черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станетъ и то, что

еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобы развратить его совсѣмъ; если ясно станетъ, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21-ного лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станетъ, какъ нелѣпа и жестока опричнина, то еще яснѣе будетъ нелѣпостъ и жестокость гвардіи и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое? намъ ясно станетъ, что въ наше время есть точно такіе же ужасы, только въ новыхъ формахъ.

Мы говоримъ: все это прошло; прошло и теперь уже нѣтъ пытокъ, блудницъ-Екатеринъ съ ихъ полновластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиваній на смерть палками и др.— Но вѣдь это только такъ кажется! Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держатъ въ вертепахъ разврата, острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрителямъ, полновластнымъ хозяевамъ этихъ рабовъ, на что-нибудь нужно это жестокое, безсмысленное заключеніе.

Десятки тысячъ людей съ «вредными идеями» въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи, сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и, или убиваются тайно начальниками тюремъ, или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнуть физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отпраются отъ семей, отъ молодыхъ женъ, пріучаются къ убійству и систематически развращаются.

Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная изъ сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленныхъ по дорогѣ, и тайная цѣпь, слѣдящая за нимъ повсюду.

Король собираетъ подати и строитъ башню, а на башнѣ дѣлаетъ прудъ и въ пруду, выкрашенномъ синей краской и съ машиной, дѣлающей подобіе бури, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Белгіи.

Не нужно имѣть особой проницательности, чтобы видѣть, что и въ наше время все то же, — что и наше время полно тѣми же ужасами, тѣми же пытками, которые для слѣдующихъ поколѣній будутъ такъ же удивительны по своей жестокости и нелѣпости. Болѣзнь все та же, и болѣзнь не тѣхъ, которые пользуются этими ужасами. Пускай бы они пользовались въ 100 и въ 1000 разъ больше. Пускай устраивали бы башни, театры, балы, обирали бы народъ, пускай Палкинъ засѣкалъ бы народъ, пускай Побѣдоносцевъ съ Оршевскимъ вѣшали бы сотнями тайкомъ въ крѣпостяхъ, только бы они дѣлали это сами, только бы они не развращали народъ, не обманывали его, заставляя его участвовать въ этомъ, какъ стараго солдата.

Ужасная болѣзнь. Болѣзнь эта въ обманѣ, въ томъ, что для человѣка можетъ быть какая-нибудь святыня и какой-нибудь законъ выше святыни и закона любви къ ближнему;—въ обманѣ, скрывающемъ то, что человѣкъ, во исполненіе требованія другихъ людей, можетъ дѣлать много поступковъ, только одного рода поступковъ онъ никогда, какъ человѣкъ, не можетъ дѣлать: не можетъ ни по чьему требованію идти противъ воли Бога—убивать и мучить своихъ братьевъ.

1800 лѣтъ назадъ на вопросъ фарисеевъ, давать ли подать Кесарю, сказано: «Кесарево—Кесарю, а Божіе—Богови». Если бы была какая-нибудь вѣра у людей, и они хоть что-нибудь считали бы должнымъ Богу, то прежде всего они сочли бы должнымъ Богу то, чему не только словами училъ Богъ человѣка, сказавъ: «не убій», сказавъ: «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали», сказавъ: «люби ближняго какъ самого себя», но что Богъ неизгладимыми чертами написалъ въ сердцѣ каждаго человѣка — любовь къ ближнему, жалость къ нему, ужасъ предъ убійствомъ и мучительствомъ братьевъ.

Если бы люди вѣрили Богу, то они не могли бы не признавать этой первой обязанности къ нему: не мучить, не убивать. И тогда слова: «Божіе—Богови, Кесарево—Кесарю» имѣли бы для нихъ ясное, опредѣленное значеніе: «царю или кому еще,—все что хочешь», сказалъ бы вѣрующій человѣкъ, «но не то, что противно волѣ Бога. Нужны Кесарю мои деньги — бери; мой домъ, мои труды — бери; мою жену, моихъ дѣтей, мою жизнь—бери; все это не Божіе. Но, нужно Кесарю, чтобы

я поднялъ и опустилъ прутъ на спину ближняго, это—Божіе. Мой поступокъ это—моя жизнь, то, въ чемъ я отдамъ отчетъ Богу, и Богъ не велѣлъ мнѣ дѣлать этого, и этого я не могу отдать Кесарю. Не могу связать, запереть, гнать, убивать человѣка: все это—моя жизнь, а она Божья, и я не могу отдавать ее никому, кромѣ Бога».

Слова: Божіе—Богови для насъ означаютъ то, чтобы Богу отдавать копеечныя свѣчи, молебны, слова — вообще все, что никому ни на что не нужно, тѣмъ болѣе Богу; а все остальное: всю свою жизнь, всю святыню своей души, принадлежащую Богу, отдаемъ Кесарю, т. е. (по значенію для Іудеевъ слова «Кесарю») чужому тебѣ, ненавистному человѣку.

Вѣдь это ужасно! Опомнитесь, люди!!

1886 г.

Л. Н. Толстой.

ДВѢ ВОЙНЫ.

Въ христіанскомъ мірѣ идутъ въ настоящее время двѣ войны. Правда, одна уже кончилась, другая еще не кончилась, но шли онѣ обѣ въ одно и то же время и противоположность между ними была поразительна. Одна, теперь уже кончившаяся, была старая, тшеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая война,—испанско-американская, которая убійствомъ однихъ людей рѣшала вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ должны управляться другіе люди. Другая война, продолжающаяся еще теперь и имѣющая кончиться только тогда, когда кончатся всѣ войны,—это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разумѣ, святая война,—война противъ войны, которую уже давно, (какъ это выразилъ В. Гюго на одномъ изъ конгрессовъ), объявила лучшая, передовая часть христіанскаго человѣчества другой, грубой и дикой части этого же человѣчества, и которую съ особенной силой и успѣхомъ ведетъ въ послѣднее время горсть людей—христіанъ, кавказскихъ духоборовъ противъ могущественнаго русскаго правительства.

Я на дняхъ получилъ письмо изъ Колорадо отъ какого-то господина Джесси Глодвина, который проситъ меня прислать ему: « ... нѣсколько словъ или мыслей, выражающихъ мои чувства, по отношенію благороднаго дѣла американской націи и

героизма ея солдатъ и моряковъ». Господинъ этотъ, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ американскаго народа, вполнѣ увѣренъ, что дѣло американцевъ, состоящее въ томъ, что они побили нѣсколько тысячъ почти безоружныхъ (въ сравненіи съ вооруженіемъ американцевъ, испанцы были почти безоружны) людей,—есть несомнѣнно благородное дѣло, noble work, и что тѣ люди, которые, побивъ большое количество своихъ ближнихъ, большею частью остались живы и здоровы и устроили себѣ выгодное положеніе,—герои.

Испано-американская война, не говоря о тѣхъ ужасахъ, которые совершали испанцы на Кубѣ, и которые послужили предлогомъ войны, сама испанско-американская война похожа вотъ на что:

Выжившій изъ силъ и ума старикъ, воспитанный въ преданіяхъ ложной чести, вызываетъ для разрѣшенія возникшаго между нимъ и молодымъ человѣкомъ недоразумѣнія, на кулачный бой этого молодого, находящагося въ полномъ обладаніи своихъ силъ человѣка; и молодой человѣкъ по своему прошедшему, по тому, что онъ не разъ самъ высказывалъ, долженствующій стоять неизмѣримо выше такого рѣшенія вопроса, принимаетъ вызовъ съ зажатымъ кастетомъ въ кулакѣ, набрасывается на выжившаго изъ ума и силъ старика, избиваетъ ему зубы, ломаетъ ребра и потомъ съ восторгомъ разсказываетъ свои подвиги огромной публикѣ такихъ же молодыхъ людей, которая радуется и хвалитъ героя, изувѣчившаго старика.

Такова одна война, занимавшая всѣ умы христіанскаго міра. Про другую войну никто не говоритъ; про нее почти никто и не знаетъ. Другая война—это вотъ какая:

Всѣ государства, обманывая людей, говорятъ: вы всѣ, управляемые мною, находитесь въ опасности быть завоеванными другими народами, я блюду ваше благополучіе и безопасность и потому требую, чтобы вы отдавали мнѣ ежегодно милліоны рублей, плоды вашихъ трудовъ, которые я буду употреблять на ружья, пушки, порохъ, корабли... для вашей защиты, кромѣ того требую, чтобы и сами вы шли въ устроенныя мною организаціи, гдѣ изъ васъ будутъ дѣлать неразумныя частицы одной огромной машины—арміи, управляемой мною. Находясь въ этой арміи, вы перестанете быть людьми и имѣть свою волю, а будете дѣлать все, что я хочу. Хочу же я прежде всего

властвовать; средство же для властвованія, употребляемое мною, есть убійство, и потому я буду обучать васъ убійству.

И не смотря на очевидную нелѣпость утвержденія того, что люди находятся въ опасности отъ нападенія правительствъ другихъ государствъ, которыя утверждаютъ, что они, несмотря на все желаніе мира, находятся въ той же опасности, несмотря на унизительность того рабства, которому люди подвергаются, поступая въ армію, несмотря на жестокость того дѣла, къ которому они призываются, люди поддаются обману, отдаютъ свои деньги на свое же порабощеніе и сами порабощаютъ другъ друга.

И вотъ являются люди, которые говорятъ:

То, что вы говорите объ угрожающей намъ опасности и о вашей заботѣ предохранить насъ отъ нея, есть обманъ. Государства всѣ увѣряютъ, что хотятъ мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вооружаются другъ противъ друга. Кромѣ того по тому закону, который вы признаете,—всѣ люди братья и нѣтъ никакой разницы принадлежать тому или иному государству, а потому и нападеніе на насъ другихъ государствъ, которыми вы насъ пугаете, для насъ не страшно и не имѣетъ никакого значенія. Главное же—то, что по тому закону, который намъ данъ Богомъ, и который признаете и вы, требующіе отъ насъ участія въ убійствѣ, явно запрещено не только убійство, но и всякое насиліе, и потому мы не можемъ и не будемъ участвовать въ вашихъ приготовленіяхъ къ убійствамъ, не будемъ давать на это денегъ и не пойдемъ въ вами устроенныя сборища, гдѣ извращаютъ разумъ и совѣсть людей, превращая ихъ въ орудія насилія, покорныя всякому злому человѣку, взявшему въ руки это орудіе.

Въ этомъ состоитъ другая война, давно уже ведомая лучшими людьми міра съ представителями грубой силы, и въ послѣднее время разгорѣвшаяся съ особенной силой между духоборами и русскимъ государствомъ. Русское государство выставило противъ духоборовъ всѣ тѣ орудія, которыми оно можетъ бороться. Орудія эти: полицейскія мѣры арестовъ, непозволенія выѣзда изъ мѣста жительства, запрещеніе общенія другъ съ другомъ, перехватываніе писемъ, шпіонство, запрещеніе печатанія въ газетахъ свѣдѣній о всемъ, касающемся духоборовъ, клевета на нихъ, печатаемая въ журналахъ, под-

купы, сѣченія, тюрьмы, ссылки, разореніе семей. Духоборы же съ своей стороны выставили свое единственное религіозное орудіе: кроткую разумность и терпѣливую твердость и говорятъ: не должно повиноваться людямъ больше чѣмъ Богу, и что бы вы съ нами ни дѣлали, мы не можемъ и не будемъ повиноваться вамъ.

Восхваляютъ испанскихъ и американскихъ героевъ той дикой войны, которые, желая отличиться передъ людьми, получить награду и славу, убили очень много людей, или сами умерли въ процессѣ убійства своихъ ближнихъ. Но никто не говоритъ и не знаетъ даже про тѣхъ героевъ войны противъ войны, которые никѣмъ не видимы и не слышимы, умирали и умираютъ подъ розгами или въ вонючихъ карцерахъ, или въ тяжеломъ изгнаніи, и все-таки до послѣдняго издыханія остаются вѣрными добру и истинѣ.

Я знаю десятки этихъ мучениковъ уже умершихъ и сотни такихъ же, которые, разбросанные по всему міру, продолжаютъ это мученическое исповѣданіе истины.

Я знаю Дрожжина, учителя крестьянина, который до смерти былъ замученъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, знаю другого—Изюмченко, товарища Дрожжина, выдержаннаго въ дисциплинарномъ баталіонѣ и потомъ сосланнаго на край свѣта, знаю Ольховика, крестьянина, отказавшагося отъ военной службы, за это приговореннаго въ дисциплинарный батальонъ и на пароходѣ обратившаго конвойнаго солдата Середу. Середа, понявъ то, что сказалъ Ольховикъ о грѣхѣ военной службы, пришелъ къ начальству и сказалъ, какъ говорили это древніе мученики: «Не хочу быть съ мучителями, присоедините меня къ мученикамъ», и его стали мучить, послали въ дисциплинарный батальонъ, а потомъ въ Якутскую область. Знаю я десятки духоборовъ, изъ которыхъ многіе умерли, ослѣпли и все таки не покоряются требованіямъ, противнымъ закону Бога.

На дняхъ я читалъ письмо о молодомъ духоборѣ, который одинъ безъ товарищей посланъ въ полкъ, стоящій въ Самаркандѣ. Опять тѣ же требованія со стороны начальства, и тѣ же простые, неотразимые отвѣты: «Не могу дѣлать того, что противно моей вѣрѣ въ Бога».—«Мы тебя замучаемъ».—«Это ваше дѣло. Вы дѣлайте свое, а я буду дѣлать свое».

И этотъ двадцатилѣтній мальчикъ, заброшенный одинъ въ чужой край, среди враждебныхъ ему людей,—сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ, направляющихъ всѣ свои силы на то, чтобы покорить его, не покоряется и дѣлаетъ свое великое дѣло.

Говорятъ: «Это напрасныя жертвы.—Люди эти погибнутъ, а устройство жизни останется то же». Также, я думаю, говорили люди и о напрасности жертвы Христа, да и всѣхъ мучениковъ за истину. Люди нашего времени, особенно ученые, такъ огрубѣли, что не понимаютъ, не могутъ даже по грубости своей понимать значенія и дѣйствія духовной силы. Зарядъ въ 250 пудовъ динамита, пущенный въ толпу живыхъ людей—это они понимаютъ и видятъ въ этомъ силу; но мысль, истина, получившая осуществленіе, проведенная въ жизни до мученичества, ставшая доступной милліонамъ,—это по ихъ понятію—не сила, потому что она не трещитъ и не видно сломанныхъ костей и лужъ крови. Ученые (правда—плохіе ученые) всѣ силы эрудиціи употребляютъ на то, чтобы доказать, что человѣчество живетъ какъ стадо, руководимое только экономическими условіями, и что разумъ данъ ему только для забавы; но правительства знаютъ, что̀ движетъ міромъ, и потому безошибочно по инстинкту самосохраненія ревнивѣе всего относятся къ проявленію духовныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ существованіе или погибель. Оттого то всѣ силы русскаго правительства были направлены и еще направлены на то, чтобы обезвредить духоборовъ, изолировать ихъ, выслать ихъ за границу.

Но, не смотря на всѣ усилія, борьба духоборовъ открыла глаза милліонамъ.

Я знаю сотни людей старыхъ и молодыхъ военныхъ, которые, благодаря гоненіямъ противъ кроткихъ, трудолюбивыхъ духоборъ, усумнились въ законности своей дѣятельности, знаю людей, которые въ первый разъ задумались надъ жизнью и значеніемъ христіанства, увидавъ или услыхавъ про жизнь этихъ людей, про гоненія, которымъ они подверглись.

И правительство, управляющее милліонами людей, знаетъ это и чувствуетъ, что̀ оно поражено въ самое сердце.

Такова другая война, ведущаяся въ наше время, и таковы послѣдствія ея. И послѣдствія ея важны не для одного рус-

ского правительства. Всякое правительство, основанное на войскѣ и на насиліи, точно также поражено этимъ оружіемъ. Христосъ сказалъ: «Я побѣдилъ міръ». И онъ дѣйствительно побѣдилъ міръ, если только люди повѣрятъ въ силу даннаго имъ этого оружія.

Оружіе это есть слѣдованіе каждымъ человѣкомъ своему разуму и своей совѣсти.

Вѣдь это такъ просто, такъ несомнѣнно и обязательно для каждаго человѣка.—«Вы хотите сдѣлать меня участникомъ убійства. Вы требуете отъ меня денегъ для приготовленія орудія убійства и хотите, чтобы я самъ участвовалъ въ организованномъ сборищѣ убійцъ,» —говоритъ разумный человѣкъ, не продавшій и не затемнившій свою совѣсть. «Но я исповѣдую тотъ самый законъ, который исповѣдуете и вы и въ которомъ давнымъ давно запрещено не только убійство, но и всякая вражда, и потому не могу повиноваться вамъ».

И вотъ это то средство, и такое простое, одно и побѣждаетъ міръ.

Ясная Поляна
15 августа 1898 г.

12740

Изданіе книгоиздательства „ОБНОВЛЕНІЕ“.

1. **Л. Н. Толстой.** I. «Обращеніе къ духовенству». II. «О религіозномъ воспитаніи» . . . . **5** к.
2. **Его-же.** «Письмо къ либераламъ» . . . . **3** »
3. **Его-же.** «Отвѣтъ синоду» . . . . . **3** »
4. **Его-же.** «Патріотизмъ и правительство» . . **5** »
5. **Его-же.** «Къ политическимъ дѣятелямъ». II. «Письмо» . . . . . **5** »
6. **Его-же.** I. «Приближеніе конца». II. «Письмо къ шведамъ». III. «Корѳагенъ долженъ быть разрушенъ». Приложеніе письма крестьянина П. В. Ольховика . . . . . **8** »
7. **Его-же.** «Конецъ вѣка» . . . . . **7** »
8. **Его-же.** «Церковь и государство» . . . . **5** »
9. **Его-же.** «Одумайтесь» . . . . . **7** »
10. **Его-же.** Какъ освободиться рабочему народу . **3** »
11. **Его-же.** «Единое на потребу» . . . . . **8** »
12. **Его-же.** «Николай Палкинъ» . . . . . **3** »
13. **Его-же.** «Не убій» . . . . . **5** »

Адресъ книгоиздательства „ОБНОВЛЕНІЕ“:

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Средній просп., № 59, кв. 6.
Н. Е. Фельтену для «Обновленія».